

18+

Искандер Арысов

Обычность — это главное

Проект «Сингулярность
Арысова»

Искандер Арысов

**Обычность — это главное.
Проект «Сингулярность Арысова»**

«Издательские решения»

Арысов И.

Обычность — это главное. Проект «Сингулярность Арысова» /
И. Арысов — «Издательские решения»,

Три повести о гениях, которых не заметили. Кафка взламывает реальность заявлениями в страховую компанию. Пессоа собирает экипаж из 80 гетеронимов и летит к тепловой смерти Вселенной. Уильямс пишет роман об обычном человеке — и инопланетяне принимают его за ответ на парадокс Ферми. Это сборник о том, где каждая гениальная книга прячется на полке, чтобы её не сожгли в типографии. И о пульсе — 4,7 — который бьётся в каждом, кто умеет ждать и не сдаваться. Для тех, кто чувствует себя незаметным.

© Арысов И.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
1. Однажды ночью	7
2. О чём этот сборник	8
3. Почему я пытался писать в духе Мастера Лю?	9
4. Пульс 4,7. Откуда эта цифра?	10
5. Структура сборника	11
6. Для кого это?	12
7. Предупреждение	13
8. Благодарности	14
9. После пролога — начало	15
Повесть первая. Редуктор реальности	16
Глава 1. Наблюдатель с дырой в боку	16
Глава 2. Смотритель и теорема о четырёх заявлениях	19
Глава 3. Параграф 7 и Суд над Судом	22
Глава 4. Испытательный срок: Прага	25
Глава 5. Свидетельства трёх	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Обычность — это главное Проект «Сингулярность Арысова»

Искандер Арысов

© Искандер Арысов, 2026

ISBN 978-5-0070-7188-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

или О том, как я перестал бояться неизвестности и полюбил пульс

1. Однажды ночью

Я сидел за столом и читал книгу, которую никто не читал.

Она была издана в 1965 году тиражом 1878 экземпляров. Её автор умер в забвении, думая, что провалился. Через сорок лет после смерти её назовут «идеальным романом», «самой трогательной книгой XX века», «шедевром, который ждал своего читателя».

Я был тем читателем.

Я плакал над ней в три часа ночи.

А потом я подумал: *сколько ещё таких книг? Сколько авторов умерло, не узнав, что их текст — это ключ к чему-то огромному, может быть — к самой реальности?*

Эти мысли не давали мне спать.

И тогда я начал писать.

2. О чём этот сборник

Этот сборник — не биографии. Не литературоведение. Не фанфик.

Это **попытка увидеть трещину**.

Где-то между строчкой и читателем, между замыслом и забвением, между жизнью гения и его смертью. Трещина, в которую утекает справедливость. Трещина, в которой живут все, кого не заметили при жизни.

Я назвал это «техникой околачивания» — когда герой доводит бюрократическую логику до абсурда так, что Вселенная даёт сбой. И мир перестаёт быть ровным. И сквозь трещину видно: за обыденностью скрывается космос. За безвестностью — бессмертие. За тихим профессором из Колорадо — ответ на парадокс Ферми.

Да, я говорю о **Кафке**, который взламывал реальность заявлениями в страховую компанию.

О **Пессоа**, который раздробил себя на 80 гетеронимов, чтобы собрать экипаж для полёта к тепловой смерти.

О **Джоне Уильямсе**, чей «Стоунер» стал инструкцией по выживанию для инопланетных цивилизаций.

О **Гильгамеше**, который ждал ответа на своё заявление 4500 лет.

О **Эмили Дикинсон**, которая превратила стихотворение в космический корабль.

Обо всех, кто пульсирует с частотой 4,7 секунды — частоте, которую я придумал, но в которую теперь верю так же сильно, как в гравитацию.

3. Почему я пытался писать в духе Мастера Лю?

Потому что Мастер Лю показал нам главное: **масштаб — это не только размер галактик.**

Масштаб — это размер одиночества.

Когда «Стоунер» умирает в больнице, и рядом никого — это масштаб. Когда Пессоа выходит за борт корабля в абсолютную пустоту — это масштаб. Когда Кафка пишет отказ на собственное заявление о дописке «Процесса» — это масштаб.

Мастер Лю пишет о Тёмном лесе, где каждая цивилизация прячется, чтобы выжить.

Я пишу о Тёмном лесе экземпляров — где каждая гениальная книга прячется на полке, чтобы её не сожгли в типографии.

Разница невелика.

И там, и там — холод, одиночество и надежда, что кто-то тебя заметит.

4. Пульс 4,7. Откуда эта цифра?

Я не знаю.

Честно.

Она пришла сама. Как пульсация двери в первой повести. Я хотел написать «4,5» — слишком ровно. «5» — слишком кругло. «4,7» — идеально. Непонятно. Немного неловко. Как будто кто-то сбился со счёта, но продолжает считать.

Этот пульс — метафора того, что нас связывает.

Тех, кто пишет.

Тех, кто читает.

Тех, кто ждёт ответа на заявление.

Тех, кто летит к тепловой смерти.

Тех, кто плачет над книгой, которую никто не купил.

Мы — разные. Но пульс у нас один.

4,7.

Проверьте сами.

Приложите руку к сердцу.

Не бьётся? Значит, вы ещё не прочитали «Стоунера».

Прочитайте — и всё изменится.

5. Структура сборника

Три повести. Две интерлюдии. Один финальный рассказ.

Первая повесть: «Редуктор реальности» (о Кафке).

Бюрократический хоррор о том, как чиновник из Праги взломал Вселенную заявлениями и стал администратором системы. Здесь Кафка встречает человека в чёрном, пишет заявление №7, проходит испытательный срок, собирает Совет семи и вступает в должность, отказывая себе в праве дописать «Процесс».

Интерлюдия первая: «Чай без кофе».

Рассказ библиотекаря, который уже 4500 лет пьёт венский кофе и ждёт, когда система ответит на заявление Гильгамеша.

Интерлюдия вторая: «Человек, который сказал „нет“».

Рассказ Мигеля де Унамуно — единственного, кто голосовал против Кафки. Он до сих пор сидит в зале ожидания и повторяет: «Нет. Нет. Нет». Система его не слышит. Но он не сдаётся.

Вторая повесть: «Распад Времени» (о Пессоа).

Космическая опера о том, как португальский поэт собрал экипаж из 80 гетеронимов, построил корабль «Лузиада» и полетел к тепловой смерти Вселенной. Здесь пастух Каэйро становится топливом, Эмили Дикинсон приходит на помощь, а Пессоа в конце исчезает в пустоте, оставив последнее стихотворение на песке, которого нет.

Третья повесть: «Стоунер и Великий Фильтр» (об Уильямсе).

Тихо-фантастическая драма о том, как инопланетный зонд «Тихий слушатель» нашёл на орбите Земли книгу, которую никто не покупал, и решил, что это — ответ на парадокс Ферми. Инопланетяне плачут, старейшины не понимают, зонд сгорает в атмосфере, а Джон Уильямс (уже мёртвый) голосует на Совете семи за Кафку и исчезает, успев увидеть, как его книгу читают миллионы.

Финальный рассказ: «Семь».

Все линии сходятся. Кафка разбирает последнее заявление. Гильгамеш получает ответ. Пессоа становится точкой. Унамуно говорит «нет». Эмили поют. Библиотекарь пьёт кофе. Семь пульсов сливаются в один. Система работает.

6. Для кого это?

Для тех, кто чувствует себя незаметным.

Для тех, чью книгу не издали (или издали тиражом 1878 экземпляров).

Для тех, кто пишет в стол — и знает, что когда-нибудь этот стол станет дверью.

Для тех, кто читает «Процесс» и думает: «Йозеф К. — это я».

Для тех, кто смотрит на звёзды и видит не вакуум, а зал ожидания.

Для тех, кто слышит пульс 4,7.

Даже если не знает, что это значит.

7. Предупреждение

Этот сборник — не лёгкое чтение.

Здесь нет хэппи-энда. Кафка не дописывает «Процесс». Пессоа исчезает. Уильямс умирает. Гильгамеш ждал 4500 лет и будет ждать дальше.

Но здесь есть **справедливость**.

Не та, которая награждает героев. А та, которая говорит: «Ты не один. Твой пульс совпадает с пульсом Вселенной. Этого достаточно».

Если вы дочитаете до конца — вы услышите этот пульс.

4,7.

4,7.

4,7.

Он бьётся внутри вас.

Всегда бился.

Просто вы не замечали.

Как не замечали Стоунера.

Как не замечали Кафку.

Как не замечали самих себя.

Но теперь — заметите.

Обещаю.

8. Благодарности

Спасибо Францу Кафке, который не сжёг свои рукописи (хотя просил).

Спасибо Фернандо Пессоа, который придумал 80 друзей, чтобы не сойти с ума от одиночества.

Спасибо Джону Уильямсу, который написал «Стоунера» и не сдался, даже когда продано 1878 экземпляров.

Спасибо Гильгамешу за терпение.

Спасибо Эмили Дикинсон за стихи.

Спасибо Унамуно за «нет».

Спасибо библиотекарю за кофе.

Спасибо Мастеру Лю за масштаб.

Спасибо тебе, читатель, за то, что открыл эту книгу.

Ты — один из семи.

Неважно, кого ты знаешь, а кого — нет.

Твой пульс — 4,7.

Я слышу его.

Даже отсюда.

Из своей комнаты.

Где пахнет чернилами и портвейном.

Где на столе лежит дверь.

Маленькая. Деревянная.

Она пульсирует.

Приложи ухо.

Слышишь?

4,7.

Это пульс Вселенной.

Или пульс любви.

Или пульс одиночества.

Какая разница?

Главное — он есть.

И он говорит: ты не один.

Мы все здесь.

В зале ожидания.

На корабле «Лузиада».

На орбите Земли.

В картотеке Денвера.

Мы ждём.

И пишем.

И надеемся.

Что когда-нибудь нас заметят.

Не потому, что мы герои.

А потому, что мы обычные.

А обычность — это и есть главное.

9. После пролога — начало

Теперь — к первой повести.

«Редуктор реальности».

О Кафке.

О том, как он проснулся утром и обнаружил, что мир — это страховая компания, в которой работают одни чиновники, а отвечать некому.

Кроме него.

Но он ещё не знает.

Он только берёт перо.

И пишет заявление №1.

А мы — смотрим.

И ждём.

4,7.

4,7.

4,7.

Поехали.

Пролог закончен.

Добро пожаловать в Тёмный лес экземпляров.

Не забудьте свой пульс.

Он пригодится.

Повесть первая. Редуктор реальности

«Довести бюрократическую логику до абсурда так, что Вселенная даст сбой. И стать администратором этой Вселенной. И отказать самому себе в праве дописать роман. Это называется „справедливость“. Или „безумие“. Какая разница?»

Глава 1. Наблюдатель с дырой в боку

Он проснулся в 7:15, как обычно.

В комнате пахло потом, нафталином и той особой пылью, которая скапливается только в арендованных квартирах без права передачи третьим лицам. Франц Кафка сел на кровати, проверил пульс — ровно 86 ударов. Хорошо. Организм ещё работал. Это была его единственная технология.

На столе лежало заявление.

Вчера он обнаружил, что типография Хюбнера напечатала «Превращение» с ошибкой в 78-й строке. Вместо «...он увидел свою бурую выпуклую броню» — «...он увидел свою бурую впуклую броню». Одна буква. Одна ничтожная буква меняла всё. Броня переставала быть выпуклой. Она *впукалась*. Это слово не имело смысла в немецком языке. Но типография требовала доплатить 12 крон за перевёрстку, иначе — «впуклая броня» уедет в библиотеки всей Австро-Венгрии.

Кафка взял перо, вывел:

«Прошу признать факт опечатки технической ошибкой печатного станка, не влекущей за собой изменений в оригинальном тексте, который был заверен мной лично 14 августа...»

Он остановился.

Письмо было идеальным. Абсолютно логичным. Формально безупречным. И совершенно бесполезным.

Кафка отложил перо и посмотрел в окно. Прага просыпалась: чиновники в чёрном, торговки с гнилой капустой, извозчик бил лошадь не потому, что она плохо везла, а потому что это входило в его должностные обязанности.

Они не знали, — подумал Кафка. — *Они искренне не понимали, что живут в симуляции.*

Он понял это три года назад.

Ночью 11 сентября 1909 года он писал «Описание одной битвы» и вдруг заметил: если прочитать 23-й абзац трижды подряд, логика повествования сворачивалась сама в себя. Персонажи начинали идти в обратную сторону. Дождь шёл снизу вверх. Кафка проверил — текст не был магическим. Он был *точным*. Он просто фиксировал реальность так буквально, что реальность не выдерживала собственной тяжести.

Тогда он впервые заподозрил: *мир — это бюрократическая машина, которую написал уставший клерк на грани нервного срыва.*

И начал взламывать.

Техника «околачивания» (определение)

Теперь, три года спустя, у него было четыре задокументированных случая сбоев реальности.

Случай №1 (12.03.1910): Он подал заявление в страховую компанию «Взаимность» с требованием пересчитать коэффициент запылённости воздуха на рабочем месте. Каждое слово было юридически корректно. Каждая ссылка вела на существующий параграф. Через 18 минут

после отправки письма у секретаря началось носовое кровотечение. Через 37 минут — у его начальника. Через 2 часа здание «Взаимности» частично обесточилось: лампы горели на каждом втором этаже, но только на чётных. Страховая компания закрылась на ремонт на три дня.

Случай №2 (июнь 1911): Кафка написал инструкцию по эксплуатации туалетной комнаты в Обществе рабочих страховых. Он описал последовательность действий: «Открыть кран — нажать на рычаг — убедиться в наличии воды — закрыть кран». Через сутки кран в здании действительно перестал закрываться. Но не физически — юридически. Слесарь принёс бумагу, где говорилось, что «действие „закрыть“ не предусмотрено текущим регламентом водоснабжения». Слесарь плакал. Вода текла три недели.

Случай №3 — самый тревожный.

Кафка опоздал на работу на 8 минут. Он написал объяснительную: «Я опоздал, потому что мой будильник не зазвонил в положенное время, что является следствием неопisanного в договоре найма свойства времени замедляться в присутствии спящего чиновника выше рангом, чем я».

На следующий день время в Праге сдвинулось. Все правительственные часы показывали 9:43. Солнце находилось на позиции 11:17. Звонок в страховой компании прозвенел трижды — в 7:00, в 13:00 и в 4:23 утра. Директор пришёл на работу в ночной рубашке, потому что его часы уверяли, что сейчас полночь. Сбой длился 6 часов. Его списали на «солнечную аномалию».

Кафка понял главное: реальность имеет предел прочности.

Она держится не на физике. Она держится на *негласном соглашении не замечать абсурд*. Как только абсурд доведён до логического конца и зафиксирован на бумаге — машина мира начинает производить ошибки. Сначала маленькие. Потом большие. Потом —
— он не знал, что потом.

Дыра в боку

Сегодня, после неудачного заявления об опечатке, он почувствовал то же самое.

Прага была слишком тихой.

Кафка вышел на улицу. Над собором Святого Вита неподвижно висело облако, которое не двигалось уже три дня. Вчера он подал запрос в метеорологическое бюро: «Прошу подтвердить, что облако зафиксировано в официальном реестре атмосферных явлений и его неподвижность не нарушает пункт 14 правил перемещения воздушных масс».

Ответа не было.

Но сегодня у облака появилась **тень на земле**. Хотя солнце светило с юга. Тень падала на север.

Кафка остановился. Вынул блокнот. Записал:

Признак сбоя №4: объект, не имеющий физической возможности отбрасывать тень, отбрасывает её в геометрически невозможном направлении. Причина неизвестна. Следствие: вероятно, реальность использует тень как способ компенсировать внутреннее противоречие.

Он поднял голову. В окне напротив стоял человек, которого Кафка видел впервые. Высокий. Очень худой. В костюме идеального чёрного цвета. Человек не двигался. Он просто смотрел на Кафку с выражением, которое нельзя было назвать ни злобой, ни интересом.

Это было выражение *обнаружения ошибки*.

Кафка знал это выражение. Оно появлялось у чиновников, когда они понимали, что он прав, но не могли этого признать, и тогда в их глазах на секунду открывалась пустота — та самая пустота, которая ждала под миром. Под всей этой паутиной параграфов, инструкций, заявлений и отказов.

Человек в чёрном улыбнулся.

И исчез.

Не ушёл. Не отвернулся. Исчез так, как исчезает строка в перезаписанном файле — без перехода, без движения, просто *есть* — *нет*.

Кафка медленно закрыл блокнот.

Они заметили, — подумал он.

Он не знал, кто такие «они». Может быть, создатели системы. Может быть, сама система. Может быть, более ранние гении, которые тоже пытались довести реальность до ошибки и исчезли — навсегда, без следа, как будто их никогда не существовало.

Но их книги остались.

Кафка посмотрел на свои руки. Руки дрожали.

Он вернулся в комнату, сел за стол и продолжил писать заявление об опечатке. Он вписал новый пункт: «Пункт 12 (б). В случае отсутствия ответа на данное заявление в течение 24 часов, прошу считать типографию Хюбнера несуществующим юридическим лицом, а все её печатные станки — объектами, не подлежащими регистрации в реестре движимого имущества империи».

Он поставил подпись.

За окном облако над собором сделало одно движение. Оно не сдвинулось с места — оно просто *перестало быть облаком*.

Теперь это была дыра.

Кафка опустил перо.

— Добро пожаловать в мою реальность, — сказал он пустой комнате. — Здесь абсурд — не болезнь. Здесь абсурд — единственный рабочий инструмент.

И приступил к главе 14 «Процесса», где Йозеф К. ещё не знал, что его судят не за преступление, а за сам факт того, что он увидел трещину в небе.

Глава 2. Смотритель и теорема о четырёх заявлениях

Человек в чёрном вернулся через три дня.

Кафка сидел в кафе «Лувр» за столиком у окна. Он правил гранки «Кочегара» и одновременно подсчитывал в уме: сколько идеально составленных документов нужно подать, чтобы обрушить налоговую систему Богемии. Предварительный ответ: семь. Три — для сбоя в учёте, четыре — для необратимой рекурсии.

— Вы уверены в своих расчётах, герр Кафка?

Голос был тихим. Слишком тихим. Так говорят люди, которые привыкли, что их слова записываются в протокол даже тогда, когда они молчат.

Кафка поднял голову.

Человек в чёрном сидел напротив. Кафка не слышал, как он подошёл. Не слышал, как сел. Официант не подошёл к нему — не потому, что не заметил, а потому, что, судя по взгляду официанта, *этого стула здесь никогда не было*.

— Добрый день, — сказал Кафка.

— Нет, — ответил человек. — День не добрый. День — ошибочный.

Кафка отложил перо. Сердце билось ровно — 84 удара. Хорошо. Организм ещё не знал, что началась опасность.

— Вы из типографии? — спросил он.

Человек усмехнулся. Усмешка была неживой — как пунктуационный знак, поставленный машиной.

— Я из места, которое вы называете «там, где кончаются параграфы». У нас нет названия. Названия — это ошибка округления.

Он вытянул руку и положил на стол три предмета:

— Идеально круглый камень.

— Квитанцию об оплате воздуха.

— Маленькую деревянную дверь. Дверь была закрыта. Размером с ладонь.

Кафка посмотрел на предметы. Затем на человека.

— Вы хотите сказать, что я...

— Вы *редуктор*, герр Кафка. — Человек перебил, но не грубо, а с тем безразличием, с которым компьютер сообщает об ошибке деления на ноль. — Редукторы реальности. Такие, как вы, рождаются раз в сто лет. Иногда реже. Вы замечаете нестыковки, которые система скрывает ото всех. И вы... — он сделал паузу, — *оформляете их документально*.

Кафка молчал. Он ждал продолжения. В этом ожидании не было страха. Было ровное, почти холодное любопытство — чувство, которое он знал по ночам за письменным столом.

— Когда вы пишете заявление, — продолжал человек, — вы не просто фиксируете факт. Вы *создаёте юридический объект*. В мире, где всё подчинено правилам, юридический объект весомее физического. Закон о водоснабжении весомее воды. Параграф о времени весомее вращения Земли.

— Я знаю, — сказал Кафка.

— Тогда вы должны знать и следующее. — Человек подвинул камень. — Каждый раз, когда вы доводите логику до её естественного завершения, система делает одно из двух: либо исправляет ошибку, либо *исключает наблюдателя*.

— Исключает?

— Удаляет. Стирает. Переписывает историю так, будто вас никогда не существовало. Ваши книги остаются. Но автором становится «неизвестный». Ваша комната переходит другому жильцу. Ваши коллеги помнят, что в отделе работал «кто-то», но не помнят имени.

Тишина.

В кафе «Лувр» за соседним столиком кто-то заказал кофе. Официант записал. Звякнула ложка. Мир продолжал работать — ровно, бездумно, как часы, у которых сломана минутная стрелка, но они всё равно тикают, потому что не знают, как остановиться.

Кафка взял камень. Камень был тёплым. Не от солнца — от чего-то другого. От *существования*. От того, что его *признали вещью*.

— Что это? — спросил Кафка.

— Ваш четвёртый случай. Облако над собором. Когда вы написали заявление, система не смогла обработать запрос. Облако не могло быть одновременно облаком и дырой. Поэтому система сжала противоречие в самый простой объект. В камень.

— А дверь?

Человек в чёрном посмотрел на дверь. Впервые в его глазах появилось нечто похожее на человеческое — осторожность. Даже страх.

— Дверь, герр Кафка, — это вы.

— Я не понимаю.

— Вы написали заявление о себе?

Кафка замер.

Он вспомнил. Три года назад, в ночь, когда он понял природу реальности, он написал текст. Не рассказ. Не письмо. А заявление — официальное, с датой, подписью и ссылкой на §7 Гражданского кодекса о «недееспособности лиц, обнаруживших несоответствие между бытием и описанием бытия».

Он написал заявление на самого себя.

— Вы признали себя потенциальной ошибкой системы, — сказал человек. — И система зафиксировала это. Теперь вы *и* наблюдатель, *и* объект наблюдения. Вы — дверь, в которую реальность пытается войти, чтобы проверить, существует ли она сама.

Кафка положил камень на стол. Положил дверь рядом.

— Что будет, если я открою дверь?

— Вы этого не сделаете.

— Почему?

Человек в чёрном встал. Он был выше, чем казался сидя. Намного выше. Его тень упала на стол — но упала так, что накрыла только дверь. Камень и квитанция остались на свету.

— Потому что за дверью — не ад, герр Кафка. За дверью — *приёмная*. А в приёмной вас будут ждать. И у них будет время. У них всегда есть время. Время — единственная валюта, которую печатает система в неограниченном количестве.

Он развернулся и пошёл к выходу.

На полпути он обернулся. На секунду его лицо стало... человеческим. Уставшим. Почти жалким.

— Вы умрёте в 1924 году, — сказал он. — Туберкулёз гортани. Вы не сможете говорить. Вы будете писать записки. Это будет ваше последнее заявление системе. *Не пишите его, Франц*.

Человек в чёрном шагнул в дверь кафе и исчез так же, как исчез в окне — без перехода, без звука, как строка, которую удалили из бесконечного протокола реальности.

Кафка остался один.

Он посмотрел на дверь размером с ладонь. Деревянную, тёплую, с маленькой бронзовой ручкой.

Он не открыл её.

Но он убрал её в карман пиджака — рядом с блокнотом, ручкой и незаконченным заявлением об опечатке.

Вечером 12 сентября 1912 года Кафка написал начало «Превращения».

Первая фраза была: «*Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое*».

Он написал эту фразу ровно через 65 минут после ухода человека в чёрном.

Он не знал, что эта фраза станет ключом к двери в его кармане.

Но дверь знала.

Дверь начала тихонько, едва слышно пульсировать — как второй пульс, как сердце того Кафки, которого ещё не существовало, но который уже ждал за порогом реальности.

Глава 3. Параграф 7 и Суд над Судом

В ту ночь Кафка не спал.

Он сидел за столом при одной свече. Перед ним лежали три предмета: камень, квитанция и дверь. Дверь пульсировала ровно — один удар в 4,7 секунды. Частота не менялась. Кафка измерил пульс пальцами, потом маятником часов. Частота была *нечеловеческой*. Не органической. Это был ритм машины, которая делает вдох.

Он открыл Гражданский кодекс Австро-Венгерской империи на параграфе 7.

§7

Если дело не может быть решено ни по букве, ни по смыслу закона, надлежит обратиться к естественным правовым принципам, зафиксированным в обычаях и признанным всеми цивилизованными народами.

Обычный параграф. Его учили на первом курсе юридического факультета. Его цитировали в судах тысячи раз. Никто не воспринимал его всерьёз — как воспринимают лестницу в подвале, на которую никто никогда не наступает.

Кафка прочитал его трижды.

На четвёртый раз он понял.

Естественные правовые принципы — это не мораль. Это не справедливость. Это *алгоритм* системы в её чистом виде, до того, как её исказили подзаконные акты, инструкции и человеческая глупость. Если обычные законы — это прикладной код, то §7 — это *вызов системной функции*. Он даёт право любому наблюдателю апеллировать к тому, что было до системы.

До системы был только один принцип.

Кафка записал в блокноте:

«Принцип нулевого параграфа: реальность не должна противоречить сама себе. Если противоречит — приоритет имеет то описание реальности, которое содержит меньше ошибок округления.»

Он отложил перо. Сердце билось 92 удара. Учащённо. Организм начинал понимать, что хозяин задумал самоубийство.

— Нет, — сказал Кафка вслух. — Не самоубийство. *Апелляцию*.

Он взял чистый лист бумаги. Лучший. Тот, который он берег для окончательных версий рукописей.

И начал писать заявление №7/1912/∞.

Текст заявления (восстановлен по черновикам)

«В Общій отдел регистрации событий, местонахождение которого не подлежит указанию в силу отсутствия координат в общепринятом смысле.

Я, нижеподписавшийся, Франц Кафка, доктор права, проживающий по адресу: Прага, Никласитрассе, 5 (помещение не зарегистрировано в реестре жилых помещений как «постоянное» в силу временного характера моего пребывания в данной версии реальности).

На основании параграфа 7 Гражданского кодекса требую:

1. Признать систему описания реальности, именуемую «мир» или «действительность», юридическим лицом, подлежащим регистрации в соответствии с §21 Закона о публичных корпорациях.

2. Установить факт системной ошибки: на протяжении последних трёх лет наблюдатель (я) фиксирует расхождения между событиями и их документальным отражением, не подпадающие ни под один из известных классов погрешностей (техническая ошибка, человеческий фактор, форс-мажор).

3. Потребовать от системы предоставить протокол своей работы за период с 11 сентября 1909 года по настоящее время с приложением всех внутренних корректировок, сжатий и исключённых объектов.

4. В случае отказа или отсутствия ответа в течение 72 часов — считать систему «мир» недееспособной и передать её управление временному администратору, назначенному из числа наблюдателей, обнаруживших несоответствие.

Временным администратором прошу назначить меня.

Франц Кафка

Подпись.

Приложение: Камень №4 (бывшее облако над собором Святого Вита), Квитанция об оплате воздуха за август 1912 (из чего следует, что воздух — объект коммерческий и подлежит пересмотру), Дверь (объект неклассифицируемый).»

Он поставил подпись.

Свеча моргнула.

Не затухла — моргнула. Как глаз. Как будто мир впервые за миллиард лет осознал, что на него смотрят не просто так, а *по правилам*.

Первые три часа

Через 47 минут после того, как Кафка поставил точку, у него закончились чернила. Он взял новую бутылку. Открыл. Чернила были *пусты* — физически там была жидкость, но она не писала. Перо скользило по бумаге, не оставляя следа.

Кафка записал в дневнике:

«Система начала обороняться. Она не может удалить меня, потому что я зафиксировал себя в заявлении №4 (о себе как о потенциальной ошибке). Но она может сделать меня невидимым для самой себя. Если я не могу писать — я перестаю быть чиновником. Если я не чиновник — мои заявления теряют юридическую силу. Если мои заявления не имеют силы — меня нет.»

Он нашёл решение через 20 минут. Он написал заявление №7/1912/∞ **кистью**. Кисть не считалась «официальным инструментом делопроизводства», а значит, не подпадала под блокировку. Кисть была инструментом художника. Художник мог писать что угодно — закон это не регулировал, потому что никогда не предполагал, что художник будет писать *юридические тексты*.

Через 2 часа Кафка закончил копию заявления кистью и положил её в конверт. Адреса не было. Он надписал: «*В отдел. Смотрящий в чёрном. Лично.*»

Через 3 часа конверт исчез со стола.

Не провалился. Не испарился. Исчез так, как исчезает сон, когда просыпаешься — ты знаешь, что он был, но не можешь вспомнить ни одного кадра.

Кафка остался один.

С камнем. С квитанцией. С дверью.

И с чувством, что система не получила его заявление. *Она прочитала его.*

Сбой пятого уровня. Начало.

В 4:17 утра Кафка услышал звук.

Это не был скрип. Не был стук. Это был звук *заполнения пробела* — такой бывает, когда машина печатает текст и в момент, когда заканчивается лента, продолжает печатать по инерции, без чернил, только иглой по бумаге.

Скrrrr-р-р-р. Скrrrr-р-р-р.

Кафка подошёл к окну.

Улица Никласштрассе была пуста. Фонари горели. Но свет был не жёлтым и не белым — он был *сертифицированным*. Кафка не знал, как это возможно, но он *видел юридический статус света*. Свет имел гриф: «Одобрено для освещения улиц категории В. Не подлежит замене без уведомления за 14 дней».

Он закрыл окно.

Повернулся к столу.

Дверь размером с ладонь была открыта.

Не он её открыл. Не ветер. Не человек в чёрном.

Она открылась сама. Медленно. Как лепесток цветка, который распускается в пустоте.

Из двери не шёл свет. Не шёл холод. Не шёл звук.

Из двери шёл *параграф 7* — не буквально, конечно. Но пространство вокруг стола стало... другим. Более настоящим, чем комната. Более настоящим, чем здание. Кафка вдруг понял, что его письменный стол — единственный реальный объект в радиусе многих километров. Всё остальное — декорации. И очень плохо склеенные.

Он заглянул в дверь.

И увидел **бесконечный зал ожидания**.

Зал был серым. Не унылым — серым как система, которая не знает понятия «уныние», потому что уныние требует эмоций, а у системы есть только категории. В зале стояли стулья. Тысячи. Миллионы. На каждом стуле сидел человек.

Нет. Не человек.

На каждом стуле сидел *автор*.

Кафка узнал их не по лицам — по позам. По тому, как они держали перья. По тому, как их тени падали не в ту сторону. По тому, как их дыхание синхронизировалось с пульсацией двери — 4,7 секунды.

Они ждали.

Все они когда-то написали заявление №7. Все они апеллировали к реальности. И все они получили ответ: *«Ваш запрос принят. Ожидайте. Следующее свободное окно обработки — через 14 миллиардов лет. Спасибо за понимание.»*

Кафка хотел отшатнуться.

Но кто-то в зале поднял голову.

Мужчина. Лет сорока. С воспалёнными глазами и бумагой в руках.

Он посмотрел на Кафку и прошептал одними губами, без звука, потому что звук в этом зале тоже был бюрократической категорией, и он ещё не был оформлен:

— *Не входи. Мы все — твои черновики.*

Кафка узнал его.

Это был он сам.

Кафка из 1924 года. Умиравший. С перевязанным горлом. С последней запиской в кармане.

Кафка захлопнул дверь.

Он сидел в своей комнате до утра. Не шевелился. Не писал. Только слушал, как пульсирует дверь у него в кармане — в такт с сердцем того, другого Кафки, который уже 12 лет ждал своей очереди в бесконечном зале ожидания.

На рассвете он открыл чистый лист и написал:

«Йозеф К. проснулся и понял, что его судят. Он не знал за что. Он не знал кто. Он знал только одно: если он выиграет суд — мир рухнет. Потому что мир держится только на том, что суды никогда не заканчиваются.»

Это была первая страница «Процесса».

И она была написана не Кафкой.

Её продиктовал тот, кто ждал за дверью.

Глава 4. Испытательный срок: Прага

Библиотекарь дал ему 72 часа.

— Система проверит тебя, — сказал он перед уходом. — Не заявлениями. Ты уже доказал, что умеешь их писать. Теперь ты должен доказать, что умеешь *не писать*. Что ты можешь чинить реальность, не создавая новых противоречий.

— Как? — спросил Кафка.

— Поживи один день в Праге, — ответил библиотекарь. — Обычный день. Не пиши заявлений. Не фиксируй сбоев. Просто *будь*. Если система не рухнет — ты прошёл.

Дверь за библиотекарем закрылась.

Кафка остался один в своей комнате на Никласштрассе, 5. За окном всходило солнце. Птицы пели. Часы тикали. Всё было как всегда.

Но Кафка знал: это ловушка.

Система не может терпеть наблюдателя, который *ничего не делает*. Она провоцирует. Она создаёт нестыковки специально, чтобы он сорвался, написал заявление, создал новое противоречие — и провалил экзамен.

Вопрос был только в том, какую форму примет провокация.

Утро. 7:15.

Кафка вышел из дома.

Прага просыпалась. Извозчик бил лошадь. Лошадь не ржала — она *заполняла форму №14/б* («Акт о применении физической силы к тягловому животному»). Кафка видел, как бланк материализуется в воздухе над крупом лошади. Ещё вчера он бы выхватил блокнот и начал оформлять заявление о недопустимости такого подхода.

Сегодня он сжал зубы и прошёл мимо.

Извозчик посмотрел на него с удивлением. Лошадь — тоже. Система ждала реакции. Не дождалась.

Первая провокация отбита, — подумал Кафка.

Но впереди был весь день.

9:00. Страховая компания «Взаимость».

Кафка сел за свой стол. Перед ним лежала стопка документов — обычных, не магических. Исковые заявления, акты о несчастных случаях, справки о запылённости воздуха.

Он открыл первое дело. Шахтёр Франтишек Коварж. Упал в шахту. Сломал позвоночник. Страховая отказала в выплате, потому что «падение произошло во время нерегламентированного перекура».

Кафка знал: если он напишет правильное заявление — систему перекосит. Семьи шахтёров получают деньги. Но он провалит испытательный срок.

Он закрыл папку.

Написал обычную резолюцию: «Отказать. На основании параграфа 12, пункт 4».

Коварж остался без денег.

Кафка почувствовал, как внутри что-то сломалось. Негромко. Почти не больно. Так ломается кость, когда её сращивают неправильно — вроде и целая, а хрустит при каждом движении.

Он работал до обеда. Обработал 12 дел. В 11 из них можно было помочь. Он не помог. Он просто *исполнил инструкцию*.

Система удовлетворённо гудела где-то на периферии сознания.

Вторая провокация отбита, — подумал Кафка. Но победой это не пахло.

13:00. Обед. Кафе «Лувр».

Кафка заказал кофе и булочку. Официант принёс счёт. На счёте было написано: *«1 кофе — 40 геллеров. 1 булочка — 20 геллеров. Итого: 1 душа»*.

Кафка посмотрел на счёт. Слово *«душа»* мерцало. Оно не было опечаткой. Система предлагала сделку: он отдаёт душу (свою способность замечать противоречия) — и проходит испытание.

Кафка взял перо.

Хотел написать: *«Требую исправить счёт в соответствии с §7 Закона о торговле»*.

Остановился.

Положил на стол 60 геллеров монетами. Встал. Ушёл.

Счёт остался на столе. Слово *«душа»* мигнуло трижды и превратилось в *«спасибо»*.

Официант не заметил ничего.

16:00. Улица Злата.

Кафка шёл домой. Навстречу ему двигалась похоронная процессия. Гроб был открытым. В гробу лежал он сам.

Не двойник. Не актёр. Он.

Кафка увидел свои закрытые глаза, своё заострившееся лицо, свои руки, сложенные на груди. В руках — перо. Из пера капали чернила. Чернила падали на белый саван и оставляли пятна в форме заявлений.

Процессия поравнялась с Кафкой. Носильщики посмотрели на него. В их глазах не было удивления. Было *приглашение*.

— Ложись, — сказал первый носильщик. — Твоё место. Ты устал. Мы отнесём тебя в архив. Там тихо. Там не нужно писать. Там только ожидание.

Кафка посмотрел на своё мёртвое лицо.

На секунду ему показалось, что лежать в гробу — это правильно. Тепло. Спокойно. Никаких заявлений. Никаких шахтёров без денег. Никаких счетов с душой вместо цены.

Он сделал шаг к гробу.

И остановился.

Потому что вспомнил слова Эмили Дикинсон: *«Ты важнее как администратор, чем как писатель»*.

Он не знал, правда ли это. Но он знал, что если сядет в этот гроб — не узнает никогда.

— Не сегодня, — сказал Кафка носильщикам. — У меня испытательный срок.

Процессия растворилась в воздухе.

Остался только запах чернил и сырой земли.

19:00. Никласштрассе, 5.

Кафка сидел за столом. Перед ним лежала рукопись «Превращения». Незаконченная. Он хотел дописать её сегодня вечером. Грегор Замза должен был умереть. Кафка знал эту сцену: отец бросает яблоко, яблоко застревает в панцире, начинается инфекция. Грегор умирает медленно. Семья выдыхает.

Он взял перо.

Система замерла.

Если он напишет хоть одну строчку художественного текста — он автоматически станет писателем, а не администратором. Испытание будет провалено. Потому что писатель создаёт новые реальности. А администратор только чинит старые.

Кафка держал перо над бумагой ровно семь минут.

Чернила капнули на чистый лист. Пятно. Пятно имело форму слова *«Грегор»*.

Кафка убрал перо.

Закрыв рукопись.

Положил в ящик стола. Запер на ключ.

— Завтра, — сказал он вслух. — Завтра я допишу. Сегодня я — чиновник.

Он не знал, что «завтра» не наступит. Что администратором он станет навсегда. Что рукопись «Превращения» так и останется лежать в ящике — дописанной, но не им. Кем-то другим. Тем, кто придёт после.

23:00. Последняя проверка.

Кафка лёг в кровать. Погасил свечу.

В темноте кто-то дышал.

— Ты прошёл, — сказал голос. Голос принадлежал человеку в чёрном. Он сидел в углу комнаты, скрестив ноги. Его костюм не отражал лунный свет — он его *регистровал*.

— Сегодня ты не написал ни одного заявления, — продолжал человек в чёрном. — Ты не исправил счёт. Не помог шахтёру. Не остановил похоронную процессию. Ты просто работал. Как чиновник. Как машина. Система довольна.

— А я? — спросил Кафка.

— А ты — нет. И это правильно. Хороший чиновник никогда не доволен собой. Если он доволен — значит, он перестал замечать ошибки.

Человек в чёрном встал.

— Завтра в 8:15 ты вступишь в должность. Библиотекарь передаст тебе архив. Гильгамеш получит ответ. Эмили Дикинсон напишет последнее стихотворение — о том, какого цвета тишина. А ты...

— А я напишу отказ на собственное заявление.

— Да. «Процесс» останется незаконченным. Йозеф К. никогда не узнает, в чём его обвиняют. И это будет твоей первой подписью как администратора.

Человек в чёрном шагнул к стене и растворился.

Кафка лежал в темноте и слушал, как тикают часы. Они отмеряли последние часы его жизни как писателя.

Он не спал.

Он думал о Грегоре Замзе, который так и не умрёт сегодня. Который будет ждать в ящике стола до тех пор, пока кто-нибудь не откроет рукопись и не допишет её чужими чернилами.

Может быть, — подумал Кафка, — это и есть справедливость. Не дописывать самому. Дать другим закончить то, что ты начал.

Он закрыл глаза.

За окном занимался рассвет.

Последний рассвет Франца Кафки-писателя.

Завтра он станет кем-то другим.

Но сегодня, в эти последние минуты, он ещё мог чувствовать. Мог представлять. Мог бояться.

Кафка улыбнулся в темноте.

— Я готов, — сказал он.

Никто не ответил.

Но часы пробили полночь.

Испытательный срок кончился.

Глава 5. Свидетельства трёх

Дверь пульсировала уже четвёртые сутки.

Кафка почти привык к этому ритму — 4,7 секунды. Он измерял его дыханием, шагами, даже паузами между абзацами. Ритм вёлся в его кровь. Он больше не был Францем Кафкой, доктором права и страховым клерком. Он был *носителем частоты*.

В ночь с 15 на 16 сентября 1912 года дверь заговорила.

Не голосом. Не буквами. Она начала *вибрировать в ответ на его мысли*. Кафка думал о §7 — дверь теплела. Думал о человеке в чёрном — дверь холодела. Думал о бесконечном зале ожидания — дверь открывалась на миллиметр и сразу захлопывалась, как будто испугавшись собственной смелости.

— Ты не просто объект, — сказал Кафка двери. — Ты *интерфейс*.

Дверь пульсировала быстрее. 4,3 секунды.

Кафка взял чистый лист. Не для заявления. Для письма. Первого в его жизни письма, адресованного не человеку, не системе, а *тому, кто ждёт за дверью*.

Он написал:

«Если ты — я из будущего, ответь. Если ты — не я, ответь тем более. Времени мало. Система меняет протоколы каждые 48 часов. Мне нужны союзники.»

Он прижал лист к двери.

Бумага втянулась. Не разорвалась, не сгорела — втянулась, как втягивается вода в сухой песок. Медленно. С усилием. Дверь *пила* его слова.

Ответ пришёл через 40 минут.

Не на бумаге. В воздухе над столом начало формироваться *изображение*. Нечёткое, рябью, как отражение в воде, которую кто-то мутит палкой. Но через минуту Кафка увидел:

Комната.

Не его. Другую. Меньше. С окном в сад, которого не могло быть в центре Праги. За столом сидела **женщина**. Лет тридцати. В белом платье с высоким воротником. Она не смотрела в его сторону — она смотрела в потолок, где висела точно такая же дверь, как у Кафки, только больше. Настоящая дверь. В полный рост.

Женщина заговорила.

Голос был тихим, с акцентом, который Кафка не мог определить — не немецким, не чешским, не венгерским. *Акцентом системы*, которая пытается говорить человеческим ртом.

— Вы получили дверь три дня назад. Я получила её двадцать лет назад. Меня зовут **Эмили**. Эмили Дикинсон. Я поэт. Или была им, пока система не решила, что поэты — это класс объектов, не подлежащих регистрации.

Кафка молчал.

Он читал её стихи. Два года назад, в берлинском журнале «Die Aktion», была подборка американских поэтов. Одно стихотворение запомнилось навсегда:

«Потому что я не могла остановиться ради Смерти

— Он любезно остановился ради меня — »

Он тогда подумал: *эта женщина видела то же, что и я*. Только не в заявлениях, а в рифме.

— Вы... вы знаете, что это? — спросил Кафка, показывая на дверь.

— Дверь? Это *мостик*, — ответила Эмили. Её лицо было спокойным, почти скучающим, как у человека, который привык, что Вселенная не исполняет желаний, а регистрирует их. — Система не может удалить нас всех. Слишком много наблюдателей. Слишком много текстов.

Поэтому она делает другое: *изолирует* нас. Каждому — свою дверь. Каждому — свой зал ожидания. Мы думаем, что мы одни. Мы думаем, что наша боль уникальна.

Она помолчала.

— Но двери соединены. Система не знала этого. Или знала, но решила, что мы слишком слабы, чтобы найти связь.

Она встала, подошла к своей двери (большой, деревянной, с ручкой не из бронзы, а из *света*) и положила ладонь на косяк.

Изображение в воздухе раздвоилось.

Второй свидетель

В левой половине воздушного экрана появилась **третья комната**.

Тёмная. Пыльная. Стол завален бумагами — но не официальными бланками, а вырезками из газет, картами, чертежами. На стенах — фотографии городов, которых Кафка не знал. Небоскрёбы. Автомобили с острыми углами. Люди в одеждах, которые выглядели как *научная фантастика, написанная уставшим инженером*.

За столом сидел **мужчина**. Лет пятидесяти. С лицом, которое видело слишком много того, что не должно было существовать.

Он поднял голову и посмотрел прямо на Кафку — не через изображение, а *сквозь*, как будто дверь Кафки была окном в его стену.

— Вы Кафка? — спросил он. Голос низкий, простуженный, как будто человек говорил через слои пыли и времени.

— Да. А вы?

— Джон Уильямс. Профессор английской литературы, университет Денвера, штат Колорадо. Автор романа «Стоунер», который никто не купил.

Пауза.

— Я написал книгу о человеке, которого система признала *недостаточно важным для наблюдения*, — продолжил Уильямс. — И тогда система сделала со мной то же, что с вами. Меня не запретили. Меня не сожгли. Меня *проигнорировали* с такой тщательностью, что это стало формой пытки. Продано 1878 экземпляров. 1878. Я помню каждую цифру.

Он усмехнулся. Усмешка была горькой, но не злой. Усмешкой человека, который понял правила игры слишком поздно, но успел сделать одну-единственную ставку.

— Дверь пришла ко мне в 1965 году, — сказал Уильямс. — Через месяц после выхода книги. Я думал, это галлюцинация. Старость. Но дверь была настоящей. Она ждала меня каждую ночь в кабинете. Я не входил.

— А теперь? — спросила Эмили.

— А теперь — поздно. Я умер в 1994-м. То, что вы видите — не я. Это моя *копия*, которую система создала, чтобы заполнить пустоту в зале ожидания. Оригинал умер в больнице Денвера. Но дверь помнит. Двери помнят всех, кто к ним прикасался.

Тишина. Кафка чувствовал, как дверь в его кармане пульсирует в унисон с голосом Уильямса. 4,7 секунды. Ритм не сбивался.

— Зачем вы здесь? — спросил Кафка. — Зачем показываетесь мне?

— Потому что вы — первый, кто написал заявление №7, — ответил Уильямс. — Эмили пыталась. Но стихи — не юридический документ. Система их не признаёт. Я пытался. Но мой «Стоунер» — это история о *подчинении*. А вы — вы подали иск. Вы потребовали признать систему недееспособной. Это первый случай за всю историю наблюдений.

— Какой истории? — перебила Эмили. — У нас нет истории. У нас есть только двери и ожидание.

— Нет, — сказал Уильямс. Он встал, подошёл к своей стене с фотографиями и снял одну. На ней был **человек в чёрном**. Тот самый. Который сидел в кафе «Лувр». — История

есть. И у неё есть имя. **Протокол №1.** Первое заявление. Подано 4 500 лет назад. Кем-то, кто жил в городе Урук. Кем-то, кто написал первый в мире эпос и понял, что его герои — не люди, а *описания системы для самой себя*.

Кафка замолчал.

Эмили замолчала.

В комнате Джона Уильямса (или его копии, или того, что осталось от человека, который написал самый честный роман XX века) тихо тикали часы. Они отмеряли не время. Они отмеряли *терпение системы*.

— Мы не одни, — сказала Эмили. — Редукторов много. Но они не знают друг о друге. Дверь показывает только тех, кто... созвучен. Тех, у кого одинаковая пульсация.

Она посмотрела на Кафку.

— У нас с вами — 4,7 секунды. У Уильямса — 4,7. У того, из Урука — тоже 4,7. Это не случайность. Это *волна*. Кто-то запустил её 4 500 лет назад. Она идёт через всех нас. И она приближается к точке схлопывания.

— К точке, где система перестанет справляться с количеством противоречий, — закончил Уильямс. — И тогда... тогда реальность либо перезагрузится, либо у неё появится новый администратор.

Все трое молчали.

Кафка достал дверь из кармана. Положил на стол. Рядом — камень (бывшее облако) и квитанция об оплате воздуха.

— Что мы делаем? — спросил он.

Эмили улыбнулась впервые за разговор. Улыбка была грустной, но в ней горел маленький, почти детский огонь.

— Вы пишете заявление №8, Франц. Самое страшное. Не на систему. На *протокол её запуска*.

— На Бога? — переспросил Уильямс с иронией.

— На *инженера*, — поправила Эмили. — Кто-то написал этот мир. Кто-то ошибся в расчётах. Мы требуем показать исходный код.

Кафка взял перо.

Чернила в бутылке были чёрными. Настоящими. Система пока не знала, что он задумал.

Он написал заголовок:

«Заявление №8/1912/∞. Об установлении личности Создателя и привлечении его к ответственности за системные ошибки классов I—V.»

И замер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.